

2. Что такое «общество вседозволенности»?

Немного понадобилось времени, чтобы после отмены закона о цензуре нравов на Англию двинулся поток грязи и крови. Он ползет с экранов кино и телевизоров, со сцен театров, со страниц книг. Его подхватывает, распространяет, навязывает стоустая, всепроникающая реклама.

«Общество, уже не реагирующее на ставшие привычными жестокость и несправедливость, общество, настолько одержимое алчностью, что все сведено к жажде материальных благ, общество, занятое погоней за призраками, отравленное лживыми соблазнами рекламы и дурманом развлечений», —

легко сделалось добычей культа насилия и пресловутой «сексуальной революции».

Мы привели здесь слова из выступления известного английского писателя Джона Уэйна, которое было опубликовано в журнале «Лиснер». В многочисленных высказываниях подобного рода в той или иной форме присутствует мысль о том, что английское общество стало «обществом вседозволенности».

Меткое определение быстро вошло в обиход, отмечая как бы новое качество общественной психологии. Оно стало фактом жизни, его уже нельзя отнести к распушенности молодежи или к вывихам «левого» искусства. И если несколько лет назад одни радовались отмене цензуры, другие были шокированы, третьи просто насмеялись над тошнотворными «хэппенингами» и все вместе ворчали на «буйство» студентов, то сегодня уже слышатся протесты, создаются комиссии и многие писатели, критики и педагоги начинают бить тревогу. Что происходит? — спрашивают они. Откуда такая безудержная порнография, призывы убивать и насилловать? Может быть, во всем виноваты реклама и коммерческое искусство — эти продажные слуги «ничем не дорожающего века?» (Джон Уэйн.)

Именно так и ставит вопрос в журнале «Энкаунтер» писательница Памела Хэнсфорд Джонсон. В 1967 году она опубликовала по материалам нашумевшего процесса книгу об угрозе роста преступности. Теперь по следам читательских откликов, ободренная поддержкой 97 процентов авторов писем, она обратилась к общественному мнению с призывом пресечь проповедь убийства и растления:

«Мы идем слишком быстрыми шагами и зашли чересчур далеко в требованиях полной свободы для средств массовой информации. Обществу настоятельно требуется самозащита... Оно не может предоставлять свободу грабителям, насильникам или убийцам».

Статья написана гневно и горячо, но почему-то все свое негодование писательница обрушивает исключительно на средства массовой информации. Ей кажется, что только в них корень всех зол и необходимо только одно:

«тщательно изучить воздействие, которое оказывает на публику телевидение, кино и (в меньшей степени) книги», затем «твердой рукой остановить его и прекратить оргию насилия и жестокости».

Позиция Памелы Хэнсфорд Джонсон оказалась явно узкой, что и подчеркнул в своем ответе ей издатель Джон Колдер.

«Средства массовой информации, — пишет Колдер, — отражают наличие насилия в обществе, может быть, даже преувеличивают его место, но не они — его причина... Если жестокость прорывается наружу, то не потому, что книга или телепрограмма вызвали в ней необходимость, хотя книга или телепрограмма могут подсказать жестокому человеку способ проявить жестокость. Наша задача — найти эту причину».

Колдер убежден, что она коренится в условиях жизни современного буржуазного общества:

«Насилие всегда возникает как результат крушения надежд, будь то отчаяние политического меньшинства или же класса, который понял, что его эксплуатируют, и поднял бунт за свои права; у отдельного человека причиной насилия может послужить безвыходное денежное положение, личная трагедия или невозможность пробиться в жизни. ...Мы живем в обществе, которое развивается путем увеличения потребности в товарах широкого потребления, в удобствах, в развлечениях. Гигантская рекламная промышленность занята тем, чтобы заставить нас желать всего — от зубной щетки до Мэрилин Монро. А поскольку удовлетворить все желания невозможно, появляется отчаяние, которое у многих находит выход в насилии... Нужда особенно страшна, если рядом — богатство, и сегодня именно в богатых странах можно найти наиболее высокий

уровень преступности — там, где в нужде живет основная масса низших классов».

«Общество вседозволенности» давно перешагнуло национальные границы в капиталистическом мире. Альберто Моравиа в статье для испанской газеты «АБЦ», рассматривая корни этого явления, тоже главной причиной считает неравенство и «погоню за жизненными благами»:

«А блага стоят дорого и рекламируются мощным аппаратом массовой информации. В этом свете многим кажется, что преступление — самый удобный способ достижения жизненных благ. Если бы не боязнь тюрьмы, сколько людей пошло бы на преступление ради автомобиля или даже нового велосипеда... По сути дела, мы живем в обстановке войны всех против всех. Многие преступления, совершенные по личным мотивам, на деле вызваны причинами социальными и политическими».

Итальянский писатель отлично знает мир, в котором живет, и отнюдь не преувеличивает бунтарскую, антибуржуазную сторону культа насилия и откровенной эротики, хотя и

«предпочел бы думать», что лавина преступлений — «свидетельство возрождения инициативы личности... обратная сторона явления положительного: возврат стремления к индивидуальности в противовес всеобщему конформизму».

Моравиа расценивает «вседозволенность» как болезнь века, как признак исторической ломки,

«когда нормы общества еще не устоялись после более чем столетнего периода викторианского и поствикторианского конформизма... Никто больше не верит в викторианскую мораль, даже те, кто еще пытается ее насаждать». По мнению Моравиа, «уничтожение конформизма необходимо, хотя за это и приходится расплачиваться тем, что в цивилизованном мире с ходу получило название «взрыва иррационализма».

Но вот молодой английский писатель Колин Макиннес захотел понять, что же такое «общество вседозволенности», и решил посмотреть, каков этот конформизм в своей основе и так ли уж высоки были моральные принципы времен королевы Виктории. Не переоценивают ли потомки строителей империи нравы и устои капитализма эпохи расцвета?

Свою статью, опубликованную в «Таймс», Макиннес начал с того, что поставил себя на место рядового респектабельного англичанина, который верит, что его отцы и деды жили по законам морали, а сам он вдруг оказался в царстве «вседозволенности», где

«бунтует молодежь, кругом жестокость, наркомания, аборт, распутство — словом, все полетело кувыркком!

— Как же случилось, что мы изменили добродетелям наших предков? — в ужасе спрашивает респектабельный англичанин.

— А были ли они, эти добродетели?»—

задает встречный вопрос Макиннес и с фактами в руках доказывает, что, если бы не маска лицемерия и не круговая порука английских буржуазных идеологов, никому и в голову бы не пришло считать викторианцев оплотом добродетели.

Чтобы сравнить год 1970 с годом 1870, писателю пришлось хорошенько порыться в архивах, так как оказалось, что сейчас очень мало известно о подлинных нравах того времени. Очень скоро Макиннес понял, что скудость бытовых материалов вовсе не случайна.

«За последние годы, — пишет он, — в биографиях и социологических исследованиях появилось много материалов, свидетельствующих о том, что буржуазные писатели позднего викторианства не только проявляли поразительную неосведомленность о том, как живут и что думают слои высшие и самые низшие, но, даже описывая жизнь хорошо известной им части английского общества, следовали велению сильнейшей внутренней самоцензуры».

Макиннес не жалеет места и очень педантично сравнивает пороки века нынешнего и века минувшего. Оказывается, там были и свои бунтари типа «хиппи», и ходить по улицам было опасно, и наркотики можно было купить в любой аптеке.

«А проституция носила такие гигантские и вопиющие размеры, что об этом писали все иностранные наблюдатели. Надо еще прибавить массу беззащитных девушек, фабричных работниц. Растление малолетних было обычным явлением. И порнографическую литературу добывали без особого труда».

Разница с серединой XX века заключается, по мысли Макиннеса, не в масштабах, а в том, что тогда это все тщательно скрывалось, «не было известно и никем не признавалось». Но «если копнуть поглубже и заглянуть за вуаль благопристойности», то окажется, что высшие классы Англии всегда «пользовались вседозволенностью, только умело скрывали это от низших».

Любопытно, что та же мысль высказана в цитированной выше статье Дж. Колдера, который пишет, что в 30-е годы XX века в мире, описанном такими «высоко-лобыми» писателями, как Эвелин Во и Э. Пауэлл,

«многое держали в тайне, под покровом, и вседозволенность считалась в порядке вещей для людей из порядочного общества, но никогда не допускалась для великого множества «неумытых» за его пределами».

Только Колдер использовал эту мысль как прием чисто полемический, а Макиннесу понадобилось обратиться к викторианству, чтобы поставить вопрос об «обществе вседозволенности» по-иному и гораздо острее. Вспомним, что для Хэнсфорд Джонсон нет зверя страшней средств массовой информации. Колдер считает нужным проследить социальные корни «вседозволенности». Макиннес идет дальше: он убедительно показывает, что «вседозволенность» — одна из черт, присущих буржуазному обществу. К тому же он считает, что запугивание «вседозволенностью» — это способ замазать более важные, животрепещущие проблемы, «подмена главных забот второстепенными».

«Всякий ярлык такого рода, как «общество вседозволенности», — пишет Макиннес, — обычно указывает на то, что члены данного общества отворачиваются от попыток понять и решить реальные проблемы и хватаются за воображаемые, видя в них источник всех зол».

Призыв к соотечественникам обратить внимание на те стороны английской общественной жизни, «которые аморальны в гораздо более глубоком социальном смысле», составляет главную цель его выступления. И важность такой постановки вопроса несомненна. Однако, по нашему мнению, в пылу полемики писатель все же недооценил «вседозволенность» как общественное явление сегодняшней Англии. Утверждение, будто между XIX и XX веком по существу нет никакой разницы, звучит по меньшей мере странно. Сегодня культ насилия и порнографии принял такие размеры, что речь уже идет не о фактах или явлениях, а о целом «обществе вседозволенности», где количество становится новым, устрашающим качеством буржуазного сознания!

Многие деятели культуры остро ощущают это. И испытывают необходимость бороться за человека. Рой Фуллер, поэт-лауреат, в своем выступлении, опубликованном в журнале «Лиснер», прямо называет требование полной свободы порнографического «искусства» и «литературы» предательством и добавляет, что чем больше защитники такой свободы

«изощряются в аргументах, тем больше это предательство по отношению к искусству и литературе и в конечном счете — по отношению к человечеству».

Старый антифашист, во многом сохранивший верность убеждениям своей юности, Рой Фуллер чужд размышлениям о «вседозволенности» как о преходящей болезни века. Для него, как и для Макиннеса, это явление классовое, выгодное для буржуазии:

«Совершенно очевидно, какое употребление делает наше общество из «свободы» определенного типа... Буржуазия сознательно допускает вседозволенность в искусстве широкого потребления и в области массовой информации, так как сексуальная удовлетворенность приводит к ослаблению недовольства политического...»

Среди тех, кто предостерегает от страшных последствий пропаганды насилия и безудержного наслаждения, особенно громко и решительно прозвучал голос преподавателя Кембриджского университета Дэвида Холбрука. Он выступил в газете «Таймс», он написал книгу «Секс и обесчеловечивание», он подал в суд на издателей порнографической книги и возглавил движение против демонстрации в школах псевдоучебного сексуального фильма.

Его статья в «Таймс» отличается сочетанием гочных фактов с большим эмоциональным накалом. Она обращена прежде всего к педагогам, к тем, кто знает, что такое обучение, воспитание чувств и развитие мышления у молодежи. Почему они не

желают видеть, что пропаганда секса также «воспитывает» и «обучает»? Как они могут терпеть, что под видом пропаганды знаний осуществляется растление, духовное ограбление молодежи?

«Сводя все к чувственности, сексуальная революция на деле лимитирует способность людей наслаждаться всем богатством любви. В нашей культуре слишком много «сексуального просвещения» — от журналов до порнографии на сцене; все это своим лобовым воздействием обедняет наш сексуальный опыт, отделяет его от чувств и высокого смысла, унижает человеческое достоинство...

Совершенно очевидно, что хорошее искусство возвышает человека, плохое — наносит вред. Но хуже всего, когда у людей уничтожается ощущение смысла жизни и меркнет сознание собственной человечности...

Эта гибель духовных ценностей и понятий... представляет собой явление, против которого каждому необходимо поднять свой голос, — пишет в заключение Дэйвид Холбрук. — Почему же молчат педагоги Англии? Их молчание на фоне активной деятельности сил, осуществляющих пагубное «просвещение» молодежи, кажется мне отвратительным кошмаром... В своем ли они уме? Или уже не верят в закон? Или цензура для них страшнее, чем растление молодежи?»

Эти взволнованные вопросы еще ждут своего ответа.
Кто знает, каков он будет...

С. МАЙЗЕЛЬС

